
ТЕРРИТОРИЯ ПАМЯТИ

Евгений БЕРКОВИЧ

НЕОБРАЗОВАНЩИНА, ИЛИ НЕВЫНОСИМАЯ ЛЕГКОСТЬ НЕВЕЖЕСТВА

Когда-то Александр Исаевич Солженицын придумал обидный для интеллигенции термин «образованщина». Им обозначались люди, не отвечавшие его представлениям о духовной элите общества. Сейчас в пору вводить новый термин — «необразованщина», чтобы описать уровень многих «творческих работников». Раньше ошибки непрофессионализма и невежества при публикации книги или при выпуске фильма на экраны страны были редчайшим исключением: на страже качества интеллектуальной продукции стояли грозные ряды редакторов (литературных, художественных, технических), корректоров, консультантов, внутренних и внешних рецензентов. Непрофессионального, невежественного автора просто не допускали к публикации. Встречались ли тогда ляпы? А как же! Я сам приводил несколько ярких примеров с изданием автобиографии Томаса Манна «Очерк моей жизни» в переводе Анны Семеновны Кулишер. Но это были исключения из правил. Сейчас же становится правилом другое: никого не удивляет, что к публикации книги или выпуску на экраны фильма допускаются неподготовленные, невежественные люди, как я сказал, «необразованщина». Проиллюстрируем сказанное двумя примерами.

Пример первый. Просвещение «Просветителя»

Сравнительно недавно, в 2015 году, к многочисленным биографиям Альберта Эйнштейна добавилась еще одна: в серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия» вышла книга «Эйнштейн», написанная Максимом Чертановым.

Евгений Михайлович Беркович — публицист, историк, издатель. Окончил физический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат физико-математических наук, доктор естественных наук (Германия). Создатель и главный редактор журнала «Семь искусств» и ряда других сетевых изданий. Автор книг «Заметки по еврейской истории» (М., 2000), «Банальность добра. Герои, праведники и другие люди в истории холокоста» (М., 2003), «Революция в физике и судьбы ее героев. Томас Манн и физики XX века» (М., 2017), «Революция в физике и судьбы ее героев. Альберт Эйнштейн в фокусе истории XX века» (М., 2018) и др. Публиковался в журналах «Нева», «Новый мир», «Знамя», «Иностранная литература», «Вопросы литературы», «Человек» и многих других изданиях.

Этот очень разносторонний автор работает в непохожих жанрах — пишет плутовской роман, детективы, театральные пьесы, биографии... В серии ЖЗЛ у него вышло семь или более книг, одна из них — «Дарвин» — завоевала в 2013 году престижную премию «Просветитель» за лучшую биографию.

На церемонии награждения, проходившей в Москве 21 ноября 2013 года, выяснилось, что «Максим Чертанов» — псевдоним писательницы Марии Кузнецовой. Выступая на церемонии, она призналась, что из биологии помнит только что-то о тычинках, поэтому ей пришлось обратиться к помощи генетика Александра Маркова. Такой уровень подготовки не помешал Кузнецовой-Чертанову создать биографию Дарвина и завоевать почетное звание «Просветитель», получив к тому же солидную денежную премию. В том же выступлении она объявила, что *«в приступе какого-то слабоумия взялась за Эйнштейна»*.

Чтобы не путаться в именах и псевдонимах, будем называть автора биографии Эйнштейна в ЖЗЛ «Просветителем». Насколько он подготовлен стать биографом Эйнштейна, можно судить по тому, как описано в книге знаковое событие в истории становления гитлеровской диктатуры, а заодно и в жизни великого физика — исключение автора теории относительности из Академии наук. Об этом событии весны 1933 года много писали историки, биографы великого ученого, литераторы, публицисты... И хотя хронология происшедшего изучена с точностью до дня, все равно исключение Эйнштейна из числа действительных членов академии обросло ворохом домыслов, легенд и мифов, далеких от реальности. Наш «Просветитель» добавил в эту копилку и свой взнос. Эпизод с исключением Эйнштейна из академии он излагает так:

В Прусскую и Берлинскую академии наук [Эйнштейн] написал о своей отставке. Берлинская академия обвинила его в «антигерманской деятельности» <...>. То же сделала и Прусская академия, только жестче: его назвали «агитатором» и заявили, что не сожалеют о его отставке.

Можно подумать, что Эйнштейн играет с несколькими академиями сеанс одновременной игры, веером рассылая свои заявления об отставках. На самом деле, он написал 28 марта 1933 года всего одно заявление в ту единственную академию, где он работал и состоял действительным членом с 1913 года, то есть в Прусскую королевскую академию наук, расположенную, естественно, в Берлине. Сейчас эта академия после радикальных преобразований, связанных с разделением Германии на два государства, а потом с новым объединением страны, называется Берлинско-Бранденбургской. Никакой «Берлинской» академии, в дополнение к Прусской, в 1933 году не было. И переписку Эйнштейн вел с представителями одной академии, а не двух, как показалось автору биографии в ЖЗЛ. По-видимому, «Просветителю» в этот раз не так повезло с консультантом, как при написании «Дарвина», а своих знаний предмета у него явно недостаточно.

В Германии, в отличие от большинства других стран, традиционно существовало несколько самостоятельных научных академий: Прусская (в настоящее время Берлинско-Бранденбургская), Баварская, Гёттингенская и др. Эйнштейн, к слову, был не только членом Прусской академии наук с 1913 года, но и членом-корреспондентом Баварской академии наук с 1927 года. До наступления нацистской эры великого физика охотно принимали в свои члены и другие германские академические сообщества, например, Немецкая академия естествоиспытателей «Леопольдина» в городе Галле. Правда, с приходом нацистов к власти имя Эйнштейна было вычеркнуто из списка членов «Леопольдины» без всякого заявления ученого.

С Прусской академией все было по-другому. История разрыва Альберта Эйнштейна с научной организацией, которой он отдал почти двадцать лет жизни, поучительна не только сама по себе. Она позволяет лучше понять трагедию всех ученых в Третьем рейхе, неожиданно для себя оказавшихся врагами государства и изгоями общества.

Для читателя, знакомого с советской историей, этот эпизод интересен еще и тем, что с ним связывались слухи о возможном лишении Андрея Дмитриевича Сахарова звания академика. Эти слухи усиленно циркулировали в среде физиков и диссидентов в 70-е и 80-е годы прошлого века. О распространенной тогда легенде рассказал Борис Михайлович Болотовский, хорошо знавший академика Сахарова по совместной работе в теоретическом отделе Физического института Академии наук СССР. Согласно этой легенде, события развивались так. По поручению высшего партийного руководства страны президент академии М. В. Келдыш собрал узкий круг ведущих ученых, среди них присутствовали П. Л. Капица и Н. Н. Семенов, и спросил, как бы они отнеслись к постановке на общем собрании Академии наук вопроса об исключении Сахарова.

После долгого молчания Н. Н. Семенов произнес: *«Но ведь прецедента такого не было»*. На это П. Л. Капица возразил: *«Почему не было прецедента? Был такой прецедент. Гитлер исключил Альберта Эйнштейна из Берлинской академии наук»*.

Если такой разговор и состоялся когда-то, то оба уважаемых академика, скорее всего, сознательно чуть-чуть отступили от истины, чтобы добиться главной цели: не допустить исключения Сахарова из академии¹. Ведь и прецеденты исключения советских академиков, объявленных «врагами народа», были, и Гитлер не исключал Эйнштейна, тот сам написал заявление о выходе из академии по собственному желанию.

В порядке просвещения «Просветителя» расскажем вкратце, как это было.

В 1905 году мало кому известный патентный служащий из Берна опубликовал в «Анналах физики» три статьи, принесшие ему впоследствии мировую славу. Даже если бы он за всю свою жизнь написал бы только одну из этих трех работ, его имя навсегда вошло бы в историю науки. Но он в течение нескольких месяцев написал все три и еще парочку в их развитие. Не случайно историки науки называют 1905 год «годом чудес». В тот год Эйнштейн построил специальную теорию относительности, выбросив из физики понятие «мировой эфир», объяснил с помощью гипотезы квантов явление фотоэффекта и, анализируя броуновское движение, доказал существование атомов. Не забудем, что 26-летний Эйнштейн в то время еще не имел научной степени и ни дня не работал ни в какой научной организации.

Но и после этих феноменальных открытий его положение изменилось мало, он еще четыре года продолжал работать в патентном бюро, ни один немецкий университет не пригласил его к себе на работу. Получив все же докторскую степень в 1906 году, он через два года со второй попытки защитил вторую докторскую диссертацию, но звание ординарного профессора Эйнштейну присвоили только в 1911 году в Немецком университете в Праге. Альберту даже пришлось принять австрийское гражданство: Прага входила тогда в состав Австро-Венгрии, а профессор является государственным служащим. Через год он вернулся профессором в свою альма-матер — Цюрихский политехникум (ETH Zürich). В Цюрих и приехали в июле 1913 года Макс Планк и Вальтер Нернст с заманчивым для Эйнштейна предложением переехать в Берлин.

¹ О том, кто и как спасал А. Д. Сахарова от исключения из академии, см. мою статью «Опальный академик и его защитники», «Знамя», 2017, № 4.

Вакантных мест профессора физики в Берлинском университете не было, да и вероятность того, что туда примут еврея, существовала минимальная, поэтому Планк и его коллеги решили действовать иначе. В Прусской академии наук существовала оплачиваемая должность профессора-исследователя. Ее с 1896 года занимал голландский химик Якобус ван'т Хофф (Jacobus Henricus van't Hoff, 1852—1911), первый лауреат Нобелевской премии по химии. После его кончины 1 марта 1911 года это место оставалось свободным. В июне 1913 года Планк предложил Прусской академии принять Эйнштейна в свои члены. Предложение Планка поддержали академики Нернст, Рубенс и Варбург.

В начале июля общее собрание физико-математического отделения Прусской академии наук большинством голосов (один голос против) приняло Альберта Эйнштейна в число академиков. Академия согласилась также, чтобы физик из Цюриха занял место покойного профессора ван'т Хоффа. Оклад академическому профессору устанавливался в двенадцать тысяч марок в год. Меценат Леопольд Коппель (Leopold Koppel, 1854—1933) брал на себя выплату половины оклада в течение двенадцати лет. Кроме того, как члену академии Эйнштейну полагалось еще девятьсот марок в год.

Это были неплохие условия — директор Института химии недавно созданного Общества кайзера Вильгельма Эрнст Бекман (Ernst Otto Beckmann, 1853—1923) получал десять тысяч марок в год, а оклад профессора университета составлял девять тысяч. Оставалось получить согласие самого Эйнштейна и утвердить его назначение на общем собрании академии. Так как в августе и сентябре члены академии разъезжались на каникулы, приходилось спешить. Вот почему вечером в пятницу 11 июля 1913 года Макс Планк и Вальтер Нернст с женами сели в поезд и утром в субботу прибыли в Цюрих, чтобы передать автору теории относительности предложение стать профессором в Берлине. В качестве дополнительного стимула было обещано, что в будущем будет создан институт теоретической физики, директором которого станет Эйнштейн. На размышление ему отвели сутки. В воскресенье супружеские пары из Берлина гуляли по окрестностям Цюриха, а вечером пришли на вокзал, чтобы ночным поездом вернуться домой. С большим облегчением Планк и Нернст увидели среди провожающих Альберта Эйнштейна, махавшего им белым платком, — это был условный знак, что предложение принято.

Заручившись согласием Эйнштейна, Планк уладил с академией все формальности, и 12 ноября 1913 года вышел королевский указ о назначении Эйнштейна профессором Прусской академии наук.

Альберт получил официальное письмо академии в конце ноября и подтвердил, что приступит к выполнению своих новых обязанностей в первые дни апреля. Свое обещание он сдержал: в столицу Эйнштейн прибыл 29 марта 1914 года. Теперь местом постоянной работы физика стал Берлин. Но с 1930 года ученый стал по несколько месяцев в году проводить в Соединенных Штатах Америки, читая лекции в Калифорнийском технологическом институте в Пасадене, вблизи Лос-Анджелеса. Затем последовало приглашение Абрахама Флекснера из Принстона шесть месяцев в году работать в недавно созданном Институте перспективных исследований. На это Эйнштейн получил согласие Прусской академии, согласно новой договоренности он будет полгода работать и получать академический оклад в Берлине, а другие полгода его работу будет оплачивать институт в Принстоне.

Когда Гитлер пришел к власти, Эйнштейн как раз находился в Америке в качестве приглашенного профессора в Пасадене. Назначение нового рейхсканцлера Германии не стало для Эйнштейна большой неожиданностью. Чувствовалось, что он был к такому повороту истории готов. Уже через два дня после вступления

Гитлера в новую должность ученый обратился к руководству Прусской академии наук с просьбой выплатить ему полугодовую зарплату сразу, а не к началу апреля, как планировалось ранее. Жизнь очень скоро показала, что такая предусмотрительность ученого оказалась не лишней.

Видно, уже в начале февраля Альберт не верил, что вернется на родину, хотя у него было запланировано там много дел, среди них серьезный доклад в Прусской академии наук. Все эти планы пришлось резко изменить. В частном письме своей близкой знакомой Маргарите Лебах (Margarete Lebach) 27 февраля 1933 года ученый писал: *«Из-за Гитлера я решил не ступать больше на немецкую землю... От доклада в Прусской академии наук я уже отказался»*.

Накануне своего отъезда из Лос-Анджелеса, состоявшегося 12 марта, ученый дал интервью корреспонденту газеты «New York World Telegram» Эвелин Сили (Evelyn Seeley). Его заявление, сделанное в этом интервью, потом перепечатывали газеты всего мира. Эйнштейн нашел простые и убедительные слова, объясняющие его решение, и дал четкую характеристику происходящего в Германии:

Пока у меня есть возможность, я буду находиться только в такой стране, в которой господствует политическая свобода, толерантность и равенство всех граждан перед законом. Политическая свобода означает возможность устного и письменного изложения своих убеждений, толерантность — внимание к убеждениям каждого индивидуума. В настоящее время эти условия в Германии не выполняются. Там как раз преследуются те, кто в международном понимании имеет самые высокие заслуги, в том числе, ведущие деятели искусств. Как любой индивидуум, психически заболеть может каждая общественная организация, особенно когда жизнь в стране становится тяжелой. Другие народы должны помогать выстоять в такой болезни. Я надеюсь, что и в Германии скоро наступят здоровые отношения, и таких великих немцев, как Кант и Гёте, люди будут не только чествовать в дни редких праздников и юбилеев, но основополагающие идеи этих гениев проникнут в общественную жизнь и в сознание каждого гражданина.

В тот же день, 28 марта 1933 года, когда его корабль бросил якорь в бельгийском порту Антверпен, ученый написал свое знаменитое заявление руководству Прусской академии наук: *«Господствующие в Германии в настоящее время порядки вынуждают меня сложить с себя обязанности члена Прусской академии наук. Академия в течение 19 лет давала мне возможность быть свободным от любых профессиональных обязанностей и целиком посвящать себя научной работе. Я знаю, насколько велика должна быть моя благодарность за это. С сожалением выхожу я из вашего круга творческих и прекрасных человеческих отношений, которыми я, будучи вашим членом, столь долгое время наслаждался и постоянно высоко ценил»*

В то время как письмо Эйнштейна об отставке было на пути в Берлин, руководство Прусской академии, состоявшее из четырех неприменных секретарей, не сидело сложа руки. Правда, один неприменный секретарь физик Макс Планк, пригласивший в 1913 году молодого Эйнштейна в Берлин и предложивший его кандидатуру в академики, находился в те дни в отпуске в Сицилии. Зато другой неприменный секретарь юрист Эрнст Хайман (Ernst Neumann, 1870—1946) поторопился выполнить указание министра гитлеровского правительства Руста и составил от имени академии заявление для прессы. В нем подтверждалось, что Эйнштейн участвует в кампании «обличения немецких зверств», ведущейся за границей, и поэтому академия не будет печалиться, если Эйнштейн выйдет из ее со-

става. Заявление появилось в прессе как раз в день бойкота еврейских предприятий — 1 апреля 1933 года.

На состоявшемся 6 апреля в отсутствие Планка общем собрании Прусской академии наук Макс фон Лауэ выступил против того, чтобы заявление для прессы, сделанное Эрнстом Хайманом 1 апреля, исходило от имени всей академии, ведь мнениями ее членов никто не поинтересовался.

Однако другие академики фон Лауэ не поддержали, и заявление для прессы сохранило свою силу. Было ясно, что в любом случае Эйнштейна исключат подавляющим большинством голосов. Практически все ученые склонились перед властью и были готовы полностью поддержать нацистов в их борьбе с неисправимым пацифистом и борцом за демократию. И все же многих смущала возможная потеря уважения иностранных коллег: ведь предстояло исключить из академии всемирно признанного гения. Но пришедшее в тот же день заявление Эйнштейна о добровольной отставке разрядило обстановку. Академия облегченно вздохнула и удовлетворила просьбу опального ученого.

Пример второй. Песок на зубах

В конце 2016 года по телевизионному каналу «Россия-культура» показали новый документальный фильм «Томас Манн. Спуск с Волшебной горы», созданный по заказу Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, то есть по правительственному заказу. Мелькнувшая в первых титрах «Студия просветительских фильмов» кольнула написанием о знакомом «Просветителе» из первого примера, но я сразу отогнал эту мысль: зачем заранее думать о плохом? Правда, потом к этому сравнению пришлось вернуться. Но давайте по порядку.

Выход на экраны такого фильма меня порадовал. Ведь это здорово, что жизнь и творчество моего любимого писателя еще кого-то интересуют. Не так уж много у нас пишут и говорят о Томасе Манне. Кроме того, появилась надежда увидеть интересные документы и кадры кинохроники. В этом смысле фильм не разочаровал. В 26 минут экранного времени авторы сценария Александр Крастошевский и Виктория Орлова, режиссер Татьяна Малова с консультантом Арсением Дежуровым ухитрились вместить биографию одного из величайших писателей XX века. И старые документы, и кадры старой кинохроники впечатляют.

Например, в одном из фрагментов фильма показан счастливый Томас-отец с детьми. Писатель редко улыбался на фотографиях. А здесь видна нескрываемая радость отцовства. Весьма интересны кадры Томаса Манна с Альбертом Эйнштейном. То, что они встречались, будучи соседями по Принстону, известно. Но я не видел до сих пор, как великий физик награждал великого писателя медалью. Что это за медаль, из фильма узнать не удалось, кадры кинохроники часто не комментируются и идут сами по себе. Придется поискать ответ самому.

Что еще понравилось — публичное обсуждение темы «Томас Манн и евреи», я даже несколько цитат из своих работ услышал. В классической биографии Томаса Манна, написанной выдающимся знатоком его творчества Соломоном Аптом и изданной в 1972 году в серии ЖЗЛ, этой темы нет вовсе. Там само слово «еврей» практически не встречается — на 107 800 слов в книге Апта это слово появляется всего четыре раза, да и то без отношения к теме. А в фильме проблема противоречивого отношения писателя к евреям, по крайней мере, обозначена. Упомянута также и склонность автора «*Смерти в Венеции*» к гомоэротике, что, без сомнения, повлияло на его творчество.

А вот вставка в документальные кадры живых актеров, изображающих реальных людей, мне не понравилась. Получилась какая-то окрошка из документального и художественного кино. Как-то сразу чувствуется фальшь — ну, не верю я, что этот усатый старичок за письменным столом и есть автор «Будденброков», если следом показывают кадры с настоящим Томасом Манном, совсем на этого старичка непохожим. Но это дело вкуса, я понимаю, что искусство по своей природе условно, так что авторы были вправе и такую форму выбрать для своего фильма. Обидно только, что наряду с блестящей документальной составляющей фильма выдуманные «художественные» заплаты часто выглядят натушно, неестественно и грешат большим количеством фактических ошибок и логических несоответствий. Похоже, что фантазия сценаристов и режиссера летит свободно и легко, не обращая внимания на фактическую сторону дела, а иногда и на логику событий. Трудно сказать, чем это вызвано — то ли простым незнанием фактов, то ли их недооценкой. Но если знаешь, как было на самом деле, такое насилие над правдой огорчает. Как песок на зубах от плохо промытого салата может испортить вкус свежего блюда, так эти несущественные вроде бы мелочи способны отравить удовольствие от всего фильма. Да и мелочи ли, ведь известно, кто находится в деталях...

Чтобы не быть голословным, рассмотрим несколько показательных примеров (в скобках указано время начала эпизода). Начнем с небольшого замечания даже не об ошибке, а, скорее, о стилистической неточности, вскрывающей незнание автором некоторых важных фактов биографии писателя.

Пример первый (16' 44"). Голос диктора говорит, что Томас и Катя отправились в лекционный тур по Европе «весной 1933 года». Не будем придираться к кадрам с океанским лайнером, сопровождающим этот текст. Поездка из Мюнхена в Амстердам, Брюссель и Париж вовсе не требовала бороздить морские просторы. Я хочу обратить внимание на дату. Томас и Катя Манн покинули Германию 11 февраля 1933 года. Почему важно отметить именно этот день, а не давать слишком широкое указание — «весной». Во-первых, это день годовщины свадьбы Томаса и Кати. Во-вторых, поездка приурочена к 50-летию со дня смерти Рихарда Вагнера 13 февраля 1883 года. Именно к этой дате Манн должен был прочитать доклад «*Величие и страдание Рихарда Вагнера*» в нескольких европейских столицах. Так что не случайно Томас и Катя уехали в первой половине февраля, а не когда-то «весной».

Еще одна неточность проявилась в фильме в путанице научных званий.

Пример второй (19' 20"). Рассказывается, как после лишения немецкого гражданства в 1936 году у Томаса Манна отобрали статус *почетного профессора* Боннского университета. На самом деле, статус был «почетного доктора», а это разные вещи. Статус почетного профессора Томасу присвоили в его родном Любеке значительно позже. А первое звание «почетного доктора» он получил в 1919 году, сразу после войны и выхода в свет его монографии «*Рассуждения неополитичного*». Боннский университет, настроенный крайне националистически, принял Томаса Манна «за своего» и присвоил ему звание почетного доктора филологии. Так как Томас Манн не окончил классическую гимназию, он не имел права поступить в университет и тем более не мог защитить докторскую диссертацию, поэтому писатель был страшно горд таким титулом. После этого он даже в книге регистрации постояльцев в гостинице важно подписывался: «доктор Томас Манн». Но не «профессор»! Обращаться к Томасу Манну «господин профессор» стали много позже.

А вот пример неточного оборота, связанного с итогами выборов в рейхстаг в 1930 году, когда нацисты добились наибольшего успеха.

Пример третий (15' 40"). Голос диктора говорит, что в доме Томаса Манна Гитлера считали неудачником и очень удивились, когда 14 сентября 1930 года пар-

тия национал-социалистов *победила* на выборах в рейхстаг. На самом деле это был успех нацистов, но не победа. Победила тогда социал-демократическая партия, она набрала 24,3 % голосов и получила 143 места в рейхстаге. Национал-социалистическая партия была второй — 18,25 % голосов и 107 мест. Так что о победе на выборах говорить было рано.

Следующие два примера показывают фразы из фильма, сказанные «ради красного словца», хотя на деле было не так.

Пример четвертый (3' 55"). В фильме утверждается, что после выхода в свет романа «Будденброки» в 1901 году 26-летний писатель-дебютант «*проснулся знаменитым*». Это сильно сказано! Первое издание романа в виде двух дорогих томов оказалось невостребованным, многие экземпляры книги оставались на полках магазинов и не находили покупателя. Издатель Самуил Фишер решился тогда на рискованный шаг: не дожидаясь, пока первое издание будет распродано, он выпустил второе — в одном томе и более дешевое. Тут, весьма кстати, и критик Самуил Люблинский написал хвалебную рецензию, и процесс пошел! Роман стали покупать, читать, и слава пришла к молодому писателю. Но так, как в фильме — «*проснулся знаменитым*», — не было. От первого издания романа до «знаменитости» прошло около года, так что если бы автор проснулся знаменитым, то спать ему пришлось бы очень долго, сон напоминал бы летаргический.

Пример пятый (22' 45"). Еще один красивый оборот-штамп использован в фильме, когда диктор заявляет, что во время войны дома Манна в Любеке и Мюнхене «*были стерты с лица земли*». Это неточность. В Любеке у него уже не было своего дома. А в Мюнхене дом был поврежден, но не разрушен полностью, и в нем жили во время войны и после нее беженцы с Украины. Когда Клаус Манн, офицер армии США, вернулся в 1945 году в Мюнхен и заехал посмотреть свой родной дом на Пошингерштрассе, он неожиданно встретил там новых жильцов. На сохранившейся фотографии, на которой Клаус изображен у крыльца семейной виллы, хорошо видны стены дома и даже балкон второго этажа его собственной комнаты. Для того чтобы окончательно выселить незаконных жильцов, уже после войны остатки дома были полностью снесены. Теперь на этом месте можно было бы строить новый дом. Но Томас Манн отказался вернуться в Германию. О выселении непрошенных жильцов шла речь в переписке писателя с обер-бургомистром Мюнхена. Но это уже другая история, о которой в фильме речи нет. А говорить, что «*стерт с лица земли*» дом, в котором продолжают жить люди, не совсем корректно.

Теперь несколько слов о легкокрылой фантазии авторов фильма, не опирающейся ни на какие факты истории.

Пример шестой (16' 55"). Есть в фильме сцена, относящаяся к маю 1950 года. В кабинете Томаса Манна в Пасифик-Пэлисейдс (Калифорния, США) звонит телефон, рука артиста, играющего Манна, тянется к трубке. В это время голос диктора за кадром объявляет, что он не станет брать трубку, ждут плохие новости, как тогда, семнадцать лет назад, когда в номере *швейцарской гостиницы* он снял трубку и услышал, что в Германии *пришел к власти Адольф Гитлер*. Рука отдергивается от телефона.

Признаем, что такая попытка «художественно» перейти к теме нацизма в Германии получилась довольно неловкой. Из нее можно сделать вывод, что Томас все семнадцать лет после того рокового звонка в швейцарской гостинице не снимал трубки телефона — ведь плохие новости могли повториться в любой момент. Иначе непонятно, почему опасность услышать плохую новость вдруг напугала писателя именно в мае 1950 года, через такой большой срок после назначения Гитлера рейхсканцлером. То не боялся телефонных звонков, а тут вдруг заробел.

Но это моя личная оценка художественного приема, явно психологически недостоверного. Заметим, что тут есть еще и фактическая ошибка: Томас Манн не покидал Германию в январе 1933 года. Это вам скажет любая *«Хроника Томаса Манна»*, жизнь которого изучена его биографами с точностью до дня. Так, 30 января 1933 года, когда Гитлер был назначен рейхсканцлером, Томас находился на баварском курорте Гармиш-Партенкирхен и ни в какой Швейцарии быть не мог.

«Швейцарская гостиница» и «плохие новости» напоминают другой случай из жизни, рассказанный Катей Манн в ее *«Ненаписанных воспоминаниях»*. Дело было 5 марта 1933 года в гостинице «Neues Waldhotel» в Арозе, куда Катя и Томас вместе с дочерью Элизабет прибыли отдохнуть после докладов Манна в трех европейских столицах. В тот день все гости отеля собрались, правда, не у телефона, а у радиоприемника, по которому передавали итоги выборов в рейхстаг. Катя, сидевшая с дочкой, сказала вслух:

— Это же смешно! Какие же это свободные выборы? Оппозицию они большей частью посадили. Что же это такое?

Сидевший рядом господин предостерег:

— Милостивая госпожа, будьте осторожны.

На что Катя ответила:

— Мне не нужно быть осторожной. Мы так и так не можем вернуться.

Сходство с эпизодом фильма напомнило анекдот: «Не пять тысяч рублей, а пятьдесят, не в лотерею, а в преферанс и не выиграл, а проиграл».

Теперь о более важном ляпе, показывающем, что создатели фильма не следят за логикой событий.

Пример седьмой (9' 05"). В фильме есть сцена, где Томас Манн размышляет о ссоре с братом, которая привела к разрыву на долгие восемь лет. Вспоминает он так: «Было мне тогда сорок. Ну да, почти, как раз *перед Первой мировой*». Из-за чего же возникла ссора? Серьезная размолвка произошла, и это в фильме прямо озвучено, из-за статьи Томаса Манна *«Мысли во время войны»*. Дамы и господа — сценаристы, режиссер и консультант, — медленно перечитайте название статьи и вдумайтесь на минутку: *во время войны!* Эта работа вышла в свет в ноябре 1914 года. Писать ее до войны Томас Манн никак не мог, он и не верил до последнего дня, что война произойдет. Так может ли ссора из-за статьи, написанной «во время войны», произойти «перед Первой мировой»?

А следующая неточность показывает кипучую фантазию авторов фильма, которая заменяет им простое знание фактов.

Пример восьмой (20' 44"). Известна антифашистская деятельность Томаса Манна в Америке, когда он по предложению британского радио стал ежемесячно выступать с короткими, сперва пяти-, а потом восьмиминутными обращениями к немецким слушателям. Об этом в фильме сказано так: более полусотни обращений Манна записали на пленку, *тайно везли через Атлантику* и транслировали на Германию, Австрию и Чехословакию. Жалко, не сказали, на каком транспорте эту пленку перевозили. На самолете? В дирижабле? Или на подводной лодке? Уважаемые коллеги, неужели вы, готовя биографию Томаса Манна в форме документального фильма, не прочитали упомянутый классический труд Соломона Апта, вышедший в свет в серии «Жизнь замечательных людей»? Ведь там технология доставки сообщений писателя его европейским слушателям описана детально. Цитирую:

Поначалу он передавал тексты своих речей в Лондон, где их читал диктор, по телеграфу, но вскоре <...> голос Томаса Манна записывался в Лос-Анджелесе на пленку, которую затем доставляли авиапочтой в Нью-Йорк, после чего звукозапись передавали по телефону в Лондон, откуда она и уходила в эфир.

Где вы увидели здесь *«тайную перевозку через Атлантику»*?

Пожалуй, хватит примеров, хотя этот ряд можно продолжить. Хотел бы только поговорить об одном несоответствии действительности, которое заметно лишь специалистам. Но ведь на то и консультант дается, чтобы такие тонкости отмечать, не так ли?

Пример девятый, последний. Многие кадры фильма иллюстрируются «рукописями Томаса Манна». Даже показывается, как он красивой ручкой с золотым пером выводит почти каллиграфический текст, естественно, на немецком языке. Но Томас Манн так никогда не писал. Об этом он сообщал шурина Петеру Прингсхайму, когда тот томился в концлагере в Австралии, а военная цензура никаких писем, написанных не на латинице, не пропускала.

За все четыре года Первой мировой войны Томас Манн написал Петеру Прингсхайму всего три письма. Первое было написано 18 декабря 1915 года, когда Петер провел в заключении уже шестнадцать с половиной месяцев. Извиняясь за свое такое долгое молчание, Манн ссылается на необходимость писать латиницей: *«...как ты видишь, суровое условие для твоего бедного зятя — как извинение, естественно, выглядит немного легкомысленно и неубедительно, но это в самом деле препятствие»*.

О трудности писать на латинице говорится и во втором письме Томаса Манна Петеру Прингсхайму, отправленном почти через год после первого — 10 октября 1916 года. Написав несколько первых фраз по-английски, Манн снова переходит на родной немецкий, замечая, что *«он много тоньше — замечание, которое цензор может вымарать, если оно ему не понравится, но из-за этого не стоит изымать письмо целиком»*.

Снова извиняясь, что не писал почти год, Томас клянется: *«Я заверяю тебя, что я бы это делал чаще, если бы непременным условием не было бы писать на латинице, что для меня является очень жестким условием. Очень быстро немеют пальцы, и мысли становятся совсем вялыми»*.

Для современного читателя, даже владеющего немецким языком, это постоянное противопоставление немецкого и латиницы выглядит странным. Разве не на латинице пишут немцы? Разве в немецком языке не те же самые буквы, за небольшим исключением, что и в английском, французском или латинском алфавитах?

Ответы на эти вопросы зависят от того, какой шрифт имеется в виду — печатный или рукописный, а также от того, о каком времени идет речь. Если говорить о печатных изданиях, то после постепенного вытеснения готических букв латинскими немецкие книги выглядят похоже на другие европейские издания. А вот рукописные шрифты вплоть до сороковых годов двадцатого века разительно отличались от того, как пишут буквы в Англии или во Франции. Сейчас старые немецкие рукописные шрифты не совсем правильно называют «шрифтами Зюттерлина» по имени берлинского графика Людвиг Зюттерлина, предложившего в 1911 году свой вариант написания немецких букв. Но и до него немецких школьников учили писать в тетрадах и прописях буквы, очень далекие от того, чему учат детей в младших классах современной Германии. Томас Манн привык именно к старому немецкому шрифту, все его рукописи и письма, дневниковые записи и заметки в записных книжках написаны, как сейчас говорят, шрифтом Зюттерлина.

Австралийская цензура, естественно, такое написание понимала с трудом, поэтому пропускала только письма, написанные на привычной для нее латинице, ставя перед Томасом Манном почти невыполнимое «*conditio sine qua non*»², как он написал Петеру в октябре 1916 года.

Тот, кто хоть раз видел рукописи и дневники писателя, никогда не спутает эти два способа рукописного письма. Очевидно, что создатели фильма о таких «мелочах» не задумывались. Здесь речь идет не о разных почерках, а фактически о разных письменных языках — не каждый немец прочтет сейчас шрифт Зюттерлина, но и человек, обученный с детства этому способу письма, не сможет легко перестроиться на современную латиницу³.

Предотвращение подобных ляпов лежит, конечно, на консультанте, который должен быть в курсе деталей биографии писателя. Нет сомнения, что симпатичный и обаятельный Арсений Дежуров — образованный человек, ведь недаром он преподает зарубежную литературу в педагогическом институте. Но мне почему-то кажется, что Томас Манн — не его «конек», хотя Дежуров и принимал участие в некоторых телевизионных передачах, посвященных нобелевскому лауреату по литературе. Я не нашел ни одной статьи или книги Дежурова о немецком классике. Нет его работ и в серьезных профессиональных журналах типа «Вопросов литературы» или «Иностранной литературы», вообще в «Журнальном зале» русского Интернета у него нет ни одной статьи. Но кадровая политика при использовании госзаказа — напомним, что фильм снят по заказу Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям — материя темная, и здесь я умолкаю без комментариев.

Изобретательности авторов фильма в конструировании постановочных сцен можно было бы только позавидовать, если бы в основе их фантазий часто не лежало простое незнание исторических реалий и нежелание приложить какие-то усилия, чтобы их узнать.

* * *

Человек слаб, легкомыслен и тщеславен. Неудивительно, что во все времена встречались авантюристы, готовые взяться за любое дело, сулящее славу и деньги, не утруждая себя необходимостью овладеть нужными навыками. Однако, как правило, всегда находились механизмы интеллектуальной защиты, способные убедить общество в справедливости древней максимы: «Невежество не есть достоинство». В наше время положение изменилось. Общество с легкостью вручает необразованщине лавровые венки «просветителей», одаряет ее представителей высокими премиями и грантами, открывает «зеленый свет» их творениям на пути к массовому читателю и телезрителю... Впору повторить слова Марцелла из «Гамлета»: «*Подгнило что-то в Датском государстве*». Общество без жесткой защиты от интеллектуального непрофессионализма в опасности. Старина Гёте актуален во все времена: «*Нет ничего страшнее деятельного невежества*».

² Непременное условие (лат.).

³ Более подробно см., например, в моей книге: Беркович Евгений. Революция в физике и судьбы ее героев. Томас Манн и физики XX века: Одиссея Петера Прингсхайма. Ленанд, М., 2017.